

ется енисейское происхождение). Вероятнее всего, слово *чась* 'море', зафиксированное в селькупских (южноселькупских) диалектах тем же словарем П. С. Палласа, восходит к этому же слову *река*, из неопределенного енисейского языка. Возможно, этот список впоследствии будет расширен и тем самым мы получим возможность выявить следы каких-то еще енисейских языков, которые не были документированы даже в виде списков слов и от которых осталась только субстратная топонимия.

Возвращаясь к поискам объяснения происхождения гидронима Иртыш из енисейских языков и обращаясь к данным наиболее изученного из них — кетского, мы высказываем предположение, что в этом гидрониме представлен кетский корень *эрь* 'соболь'. Тогда получается, что *Иртыш* по своему значению — это 'соболиная река'. Предполагаемая форма *Эрьсесь* могла превратиться в Иртыш при заимствовании ее татарским языком, или, что нельзя исключать, она восходит к пока еще не определенному енисейскому языку, в котором слово *река* имело вид ***тэш*.

Форма *Эрдыш*, как она дана в «Сокровенном сказании», и форма *Ирдыш* у Рашид-ад-Дина несколько отличаются по внешнему облику и от современной формы *Иртыш*, и от формы *Эрцес*, представленной в «Джангаре», что может иметь разные причины. Возможно, что формы с согласным *-д-* отражают несколько иной источник, может быть, какой-то другой енисейский язык, близкий к кетскому, но не тождественный ему, поскольку они не во всем укладываются

в наши представления об исторической эволюции тюркских и монгольских языков. Можно также предположить, что тюркские и монгольские формы этого топонима имеют разные истоки и были восприняты из разных диалектов неизвестного языка енисейской группы. Так или иначе происхождение гидронима *Иртыш-Эрцес* из енисейских языков в настоящее время представляет собой наиболее убедительную этимологию этого эпического и одновременно исторического названия реки.

Литература

- Джангар*. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Дульзон А. П. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Географические названия (Вопросы географии, сб. 58). М., 1962. С. 50–55.
- Калинин В. М., Фролов Н. К. Иртыш // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 тт. / гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев, ред. В. В. Бакулин, Е. С. Зашихин и др. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Сократ, 2000–2005. Т. 1: А–И. 2000. С. 381–382.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
- Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы: в 2-х частях. СПб., 1787–1789. Ч. 1. С. 315–316.
- Попова В. Н. К этимологии гидронима Иртыш // Языки и топонимия Сибири: [сб. ст.] / отв. ред. А. П. Дульзон. Вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–20.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.

УДК 81'373 + 811.512.37

ББК 81.2-3

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ УСТАРЕВШЕЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА*

А. Б. Лиджиев

Единый ойратский язык в процессе своего исторического развития разделился на ряд диалектов, которые и сейчас существуют на территории Западной Монголии, Синьцзянь-Уйгурского Автономного района КНР и России. К потомкам одного из них и относится калмыцкий язык, на котором существуют фольклор и обширная литература калмыцкого этноса. Однако в процессе

функционирования из языка исчезают некоторые лексемы, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, что связано прежде всего с изменением образа жизни, культурной среды, а также множеством других факторов, влияющих на развитие языка.

Настоящая статья посвящена исследованию одной из таких узких тем, как военная

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-36402а/Ю.

лексика. Современные калмыцкие словари являются достаточно полными и позволяют работать с текстами любой сложности. Однако необходимо отметить, что в силу разных причин в них не полностью отражаются устаревшие слова и словосочетания, несущие определенную смысловую нагрузку. К такому пласту лексики относится и военная терминология, имевшая активное использование в прошлом, но с течением времени вышедшая из употребления.

Военная лексика монгольских языков рассматривалась в некоторых работах (например, на материале монголо-ойратских законов «Их Цааз» и «Халха Джирум» в статье Г. Ц. Пюрбеева [2009]) и тюркских [Лосева-Бахтиярова 2005]. Существует ряд других работ, посвященных анализу данного лексико-семантического поля (см., например, [Манджикова 1990; Бачаева 2004; 2010; Мулаева 2010; Очирова 2010]). Подробное описание некоторых видов оружия монгольских племен того времени можно найти в монографии А. Н. Басхаева [2000].

Материалом исследования послужили слова и словосочетания, не вошедшие в современные двуязычные калмыцкие словари. Их анализ позволяет восполнить пробелы по военной истории и терминологии калмыцкого и, шире, монгольских языков.

Одним из ключевых слов, относящихся к военной лексике, является слово **dayin**, которым обозначается понятие 'война, вражда; враг, неприятель, противник' и которое является общемонгольским, поскольку встречается в большинстве монгольских языках: *п.-монг.* **dayin** 'война'; *монг.* **дайн**; *бур.* **дай(н)**; *калм.* **дээн**; *даг.* **дайсән**; *ш.-юг.* **dain**, — а также в памятниках монгольской письменности и словарях: **dayin** 'война' [ИЦ 1981: 47, 148–150], **dayin** 'война, вражда; враг, неприятель, противник' [К, III 1849: 1548]. Кроме того, данное слово также встречается в различных сочетаниях: *монг.* **дайн байлдаан парн.** 'война' [МРС 1957: 140]; *бур.* **дай хэхэ** 'вести войну, военные действия, сражаться' [БРС 1973: 182]; **dayin ulus** 'неприятель' [ПНХУ 2004: 179] и др.

Так, например, Г. И. Рамстедт в своем словаре также приводит калмыцкое **dään** 'krieg; feind, feindschaft'; **däänə köl** 'schlachtgewimmel', а также словосочетание, которое редко встречается в современных словарях: **köl dään** 'grosser krieg, überschwemmende feindliche heere', что обо-

значает 'большая война, огромное неприятельское войско' [R 1935: 83].

В монгольских языках для обозначения понятия 'армия, войско' употребляется слово **цэрэг**: *п.-монг.* **čerig**; *бур.* **сэрэг**; *калм.* **цегг**. Оно также часто встречается в памятниках монгольской письменности, например: **čerig** 'войско, армия' [ИЦ 1981: 161–51; ХДж 1965: 2–146], **čerigüüd** 'военные' [ССМ 1941, § 101: 416], а также в различных сочетаниях: **cerig haran** 'вооруженные люди' [ССМ 1941: 416], **čerig-ün kergei** 'по военным делам' [ХДж 1965: 24–146]; **čirig arad** 'военные люди, войско' [К, I 1844: 141], где **aran** 'простолудин, чернь' [К, I 1844: 140]; **eke čerig** 'основная армия' [ПНХУ 2004: 163]; **čerig yabudaliyin yile** 'военное искусство' [ПНХУ 2004: 185]; **moritu čiriγ** 'конница, кавалерия, кавалерийский корпус' [К, III 1846: 2048].

Для обозначения данного понятия использовалось также слово **ömög** 'войско, армия; помощь, защита, охрана' [К, I 1844: 537]: *монг.* **өмөг** 'помощь, защита, охрана; сила, армия, войско (для охраны, прикрытия)'; *бур.* **үмөөр** 'вступаться за кого-либо, защищать кого-либо'; *калм.* **өмг** 'защита'. Встречаются различные сочетания данного слова: **küi ömög** 'военный отряд' [К, I 1844: 538] (где **küi** 'родство, фамилия, семейство, племя; место собрания особ одинаковой степени; деревня из десяти домов' [К, I 1844: 538]). Но в калмыцком языке осталось только значение 'защита'. Кроме того, слова **ömög** и **cerig** могут выступать в синонимической паре и служить обозначением 'войска, армии': *монг.* **өмөг цэрэг** 'войско' [БАМРС, III 2001: 20]; *монг.* **өм цэрэг** 'личная охрана (например военачальника)' [МРС 1957: 320].

Во всех монгольских языках встречается *п.-монг.* **qarayul** 'караул, пикет, стража, надзор' [К, II 1846: 832]; *монг.* **харуул** 'караул, дозор, стража, охрана'; *бур.* **харуул** 'караул, дозор, стража'; *калм.* **харул** 'караул, надзор, охрана; караулить, сторожить, пасти скот'. Кроме того, используется и другое слово со схожей семантикой: *п.-монг.* **caγdaqu** 'иметь надзор, надзирать, караулить'; **caγdayul** 'караул, надсмотр'; **caγdayči** 'надсмотрщик, караульный, часовой' [К, III 1849: 2110]. Активно используются в современном монгольском языке: **цагдаа** 'милиционер, полицейский, стражник'; в бурятском — **сагдаа** 'стражник, полицейский, городской'. Однако в калмыцких словарях данное слово

отсутствует, хотя на его бытование указывает Ц.-Д. Номинханов: **цагăк** ‘караулить, держать дозор’ [Номинханов 1975: 122]; эта лексическая единица также приводится в словаре А. Позднеева: **caɣdaxu** ‘караулить, держать дозор’ [П 1911: 243].

К лексике, встречающейся в памятниках средневековой литературы на «тодо бичиг», но отсутствующей в калмыцких словарях относится слово: *калм.* **ürgeen** ‘тревога’ [Г 1880: 4–38, 9–44]; **ürgeen bolyolaa** ‘если будет тревога’ [Г 1880: 4–38]; *п.-монг.* **ürgeen** ‘боевая тревога’ [ИЦ 1981: 19–44].

Необходимо привести еще одну лексическую единицу, которая характерна для всех монгольских языков: *п.-монг.* **olboy** ‘короткое верхнее платье, употребляемое для верховой езды; камзол; тюфяк, матрац’ [К 1844, I: 407]; *монг.* **олбог** ‘тюфяк, подстилка для сиденья’; *бур.* **олбог** ‘подстилка, тюфяк’; *калм.* **улв** ‘тюфяк, матрац’. Встречается это слово и в словарях Г. И. Рамstedта и А. М. Позднеева: **olboy** ‘тонкая подушка для сиденья’ [П 1911: 31]; **olwäg** ‘kleine sitzmatratze, weiches kissen zum sitzen’, где Г. И. Рамstedт предполагает, что это слово заимствовано из монгольского и приводит параллели: *кирг.* **olpog** ‘panzer’ [R 1935: 272–273]. Но ни в одном из словарей не приводится значение, которое дается в памятниках средневековой литературы **olboy** ‘ватный (мягкий) панцирь’ [ХДж 1965: 34–167, 82–301]. Там же можно найти и сочетание: **olboy-un tobi** ‘подшлемник’ [ХДж 1965: 34–167] (см. **tobi** ‘валяный колпак, носимый под шлемом’ [К, III 1846: 1818]).

Слово *алебарда* отсутствует в калмыцко-русском словаре, хотя часто встречается и в литературных источниках, и в фольклорных произведениях: **ayibalda** ‘алебарда’ [П 1911: 1]. В работе, посвященной исследованию средневекового оружия и вооружения, данная лексема *айбалта* объясняется как ‘низкообушные топоры с луновидным (месячевидным) лезвием’ [Бобров 2008: 323].

Лексема *п.-монг.* **qalqa** ‘щит, заслон’ [К, II 1846: 795]; *монг.* **халх** ‘щит, прикрытие, заслон’; *бур.* **халха** ‘щит, заслон’ в калмыцко-русских словарях отсутствует, однако Ц.-Д. Номинханов в своей работе приводит подобное значение: *калм.* **халх** ‘щит’ [Номинханов 1975: 105].

Еще одним словом, относящимся к военной тематике, но отсутствующим в современных словарях, является *п.-монг.* **qoromsaya**

‘футляр для лука’ [К, II 1846: 967]; *монг.* **хоромсого** ‘колчан’ [МРС 1957: 541]. Опять же в калмыцко-русском словаре Г. И. Рамstedта данное слово присутствует *калм.* **xormsx** ‘futleral (футляр), tasche für den schiessbogen (nomn) (сумка для лука)’, а также здесь приводятся тюркские параллели: *kir.* **qoromsa** ‘köcher’, *kir.* **quramsaq** [R 1935: 188].

К военной терминологии можно отнести также *п.-монг.* **erekebči** ‘роговое кольцо на большом пальце для натягивания лука’ [К, I 1844: 250]; *монг.* **эрхийвч** ‘наперсток для большого пальца’ (*надеваемый при стрельбе из лука*); *бур.* **эрхыбшэ** ‘наперсток’; также оно встречается и в памятниках средневековой литературы: **erkebči** ‘наперсток для большого пальца’ [ХДж 1965: 35–171]. В современных калмыцких словарях оно отсутствует, однако в словаре Г. И. Рамstedта оно приводится: **erkeepťši** ‘daumenring (wurde früher beim bogenschiesen angewendet)’ [R 1935: 125].

В работе К. Ф. Голстунского встречается и другая лексема **xarabči** ‘кираса’, которая отсутствует в современных калмыцких словарях: **duulyayin xarabči xuyay ögöle** ‘(когда за невесту) отдал шлем, нарукавник (?)’, панцирь’ [Г 1880: 9–43]; **xarabči abxulaa** ‘(кто украдет) кирасу (?)’ [Г 1880: 9–43]. Однако, очевидно, К. Ф. Голстунский ошибочно дает значение этого слова, поскольку в словарях и памятниках даются следующие значения: **xarabči** ‘нарукавник; рукав у платья или панциря’ [К, II 1844: 833]; **qarabči** ‘нарукавник’ [ХДж 1965: 34–168].

Кроме того, в письменных памятниках встречаются также такие слова (словосочетания), как **učiya** ‘чехол для налучника’ [Г 1880: 18–55], **suysarya** ‘чехол для стрел’ и др. [Г 1880: 18–55], но в словаре они приводятся с несколько иным значением — *калм.* **cyrcph** ‘патронташ (кожаный для пуль)’; **engiyin lübčiten** ‘простые войны’ [Г 1880: 4–38]; **xošuuγar uulya** ‘передовой отряд’ [Г 1880: 25–63] (где **uulya** ‘передовой отряд’ [Г 1880: 25–63]; *калм.* **уулh** ‘передовой отряд’; **хошуун** ‘разведка’ [Г 1880: 25–63]); **quyay duulyayin ger** ‘чехол на шлем или панцирь’ [Г 1880: 18–55]; **xuyagiγin morin** ‘панцирная лошадь’ [Г 1880: 25–63]; а в комментариях даются пояснения, что **хуягыγин морин** — ‘панцирная лошадь, т. е. сильная и крепкая лошадь, могущая возить человека, одетого во все военные доспехи’ [Г 1880: 138].

Отметим, что в калмыцком языке встречается имя **Канур**, которое сложно поддается этимологизации, но средневековые памятники позволяют, вероятно, пролить свет на происхождение этого имени. Так, в работе, опубликованной К. Ф. Голстунским, отмечается слово **kaanur** со значением 'телохранитель' [Г 1880: 4–38]. Если гипотеза о происхождении этого слова верна, то оно восходит к *п.-монг. kiya* 'адъютант, паж', которое встречается не только в монгольских письменных памятниках со значением **qa** 'вассал' [ССМ 1941: 593], **kiya bolyaju** 'будем оруженосцами' [ССМ 1941: 498], но и в тюркских: *монг. xia*; *баит. каа* 'прислужник князя, адъютант, паж, приближенный слугитель знатного лица' < *п.-монг. kiya* < **qīya* > маньч. *xiya* 'телохранитель, адъютант, паж'; ср. *тюрк. qīi* 'берег, край', *осм. qīi* 'место, находящееся недалеко, по соседству с чем-либо' [Владимирцов 1989: 220]. В противном случае, если этимология не найдет дальнейшего подтверждения в указанных выше значениях, то необходимо искать другой материал для установления происхождения (возможно, тюркского).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что современные калмыцкие словари необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, что в значительной мере позволит заполнить лакуны и наиболее полно использовать их в создаваемых словарях.

Сокращения

баит. — баитский; бур. — бурятский; даг. — дагестанский; калм. — калмыцкий; кирг. — киргизский; маньч. — маньчжурский; монг. — монгольский; п.-монг. — письменный монгольский; осм. — османский (турецкий); тюрк. — тюркские; халх. — халхаский (монгольский); ш.-юг. — шира-югурский.

Источники

- БАМРС** — Большой Академический монголо-русский словарь: в 4-х тт. М.: Изд-во Академия, 2001. 520 с.
- БРС** — Бурятско-русский словарь. М., 1973. 804 с.
- Г** — Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайд-жи и законы, составленные для волжских калмыков при Калмыцком хане Дондук-Даши, калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880. 143 с.
- ИЦ** — Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / транс-

литерация, пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.

- К** — Ковалевский О. Монголо-русско-французский словарь: в 3-х тт. Казань, I — 1844; К — 1849. К — 1849. 2 690 с.
- МРС** Монголо-русский словарь. М., 1957. 716 с.
- П** — Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. 306 с.
- ПНХУ** — Письма наместника ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 198 с.
- ССМ** — Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 620 с.
- ХДж** — Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. М.: Наука, 1965. 350 с.
- R** — Ramstedt G. J. Kalmückisches wörterbuch. Helsinki, 1935. 560 s.

Литература

- Басхаев А. Н. Монголы, ойраты, калмыки. Элиста: Джангар, 2000. 91 с.
- Бачаева С. Е. Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве. Матер. междунар. науч. конф. Элиста, 2004. С. 20–22.
- Бачаева С. Е. Военная лексика в калмыцком языке (на материале романа М. Хонинова «Помнишь, земля смоленская...») // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 82–84.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2008. 776 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского-письменного языка и халхаского наречия. М., 1989. 441 с.
- Манджикова Б. Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 191–193.
- Мулаева Н. М. О составе военной лексики в «Калмыцком-русском словаре» 1977 г. издания // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 78–82.
- Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дисс. ... канд. фил. наук. М., 2005. 283 с.
- Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 329 с.
- Очирова Н. Ч. Русские лексические заимствования в военной терминологии калмыцкого языка // Вестник КИГИ РАН № 1. Элиста, 2010. С. 84–87.
- Пюрбеев Г. Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха Джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Элиста, 2009. С. 283–285.